

**Международная конференция
«КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД:
РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ОБРАЗОВАНИЯ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ Л.С.ВЫГОТСКОГО**

(Москва, 21-25 октября 1996г.)

В рамках конференции работала секция «Психотерапия — культ — культура». Публикуем доклад Ф.Е.Васильюка и тезисы докладов А.Ф.Бондаренко и А.З.Шапиро, прозвучавших на этой секции.

МОЛИТВА — МОЛЧАНИЕ — ПСИХОТЕРАПИЯ*

Ф.Е.ВАСИЛЮК

Дорогие коллеги!

Позвольте мне открыть вам один секрет психотерапевтической работы. Он состоит в том, что самая первая фраза, которую произносит пациент на первой встрече с вами, какой бы поверхностной, случайной и необязательной она ни казалась, содержит в себе ключ ко всем таинственным переплетениям глубочайших смыслов, к которым вам с ним только еще предстоит пробиться, быть может, за месяцы и даже годы упорной работы. Первые слова пациента есть символ, к которому, сам того не ведая, являет нам всю реальность еще только подлежащего терапевтического процесса.

Мне кажется, что подобное символическое значение для анализа творчества Льва Семеновича Выготского, чье столетие мы в эти дни отмечаем, имеет первая его большая работа «Трагедия о Гамлете, принце Датском, У.Шекспира». В этой аудитории нет нужды излагать содержание блестящего труда, написанного двадцатилетним юношей. **О чем пишет Л.С.Выготский**, мы помним: о психологии трагедии. Но **чему посвящен труд Выготского?** Тому, что он называет «вторым смыслом трагедии» — «религиозности трагедии», «молчанию и молитве», тому измерению, где кончается искусство и начинается религия (Л.С.Выготский, 1987, с.290).

Толкователи, для которых, увы, нет таинственного присутствия в жизни вечности, а есть только «земное поведение, устремленное в социальные

* Автор выражает благодарность Российскому Гуманитарному Научному Фонду за финансовую поддержку исследований по теме «Проблемы синергичной психологии». Грант N 96-03-04563.

дали» (Ярошевский, 1987, с.320), склонны не заметить этого главного смысла сочинения Л.С.Выготского, объяснив отдельные пассажи религиозного толка общим тревожно-мистическим настроением, которое переживала российская интеллигенция накануне революции. Но вот свидетельство самого автора: «О нем в этюде (как скромно называет Л.С.Выготский свой труд. – *Ф.В.*) не сказано *прямо* ни слова, хотя весь он посвящен этому второму смыслу... В этом цель всего этюда: прощупать этот второй смысл, это остальное, что «есть молчание» (Выготский, 1987, с.290).

Какую философию выговаривает своим «этюдом» Выготский? Философию трагического одиночества и его молитвенного преодоления. «Во всякой трагедии с бешеным водоворотом человеческих страстей, бессилия, любви и ненависти, за картинами страстных устремлений и непостиганий мы слышим далекие отголоски мистической симфонии, говорящей о древнем, близком и родимом. Мы оторваны от круга, как когда-то оторвалась Земля. Скорбь – в этой вечной отъединенности, в самом «я», в том, что я – не ты, не все вокруг меня, что все – и человек, и камень, и планеты – одиноки в великом безмолвии вечной ночи» (*там же*, с.289). Трагедия Гамлета, как и реальная трагедия нашей жизни, совершается, по интуиции Выготского, на грани, на пороге двух миров. Но смысл трагедии в конечном итоге – не в разделенности и скорби одиночества, а в воссоединенности, преодолевающей этот разрыв, таинственно соединяющий два мира. Чем же восстанавливается единство? Молитвой, «ибо там, где молитва (слияние), – пишет Выготский, – там трагического нет, там кончается трагедия» (*там же*).

Живым символом молитвы в трагедии Шекспира является Офелия. В цветовой гамме трагедии Офелия – контрапункт Гамлета. Он – черный, она – белая, он – трагизм как таковой, она – молитва, преодолевающая трагедию, но оба они внемирны, оба – безумны. «Трагедия Офелии, – прислушивается Л.С.Выготский, – точно лирический аккомпанемент, который возвышается над целой пьесой, полной страшной муки невыразимости, глубочайших и темных, таинственных и сокровенных мелодий, которые непонятным и чудесным образом выявляют и заключают в себе, – самое волнующее, самое намекающее и трогательно большое, самое глубокое и темное, но самое преодоленно-просветленно-трагическое, самое мистическое в целой пьесе. Так трагедия переходит в молитву. Ее образ, сотканный из молитвенного безумия, ритмической слезности (то есть самой сущности слез) и удивительных теней, полужеланной, полукатастрофической смерти, овеянной зеркальной печалью плачущей воды и ивы, и венков, и мертвых цветов, точно меняет тон всей скорби трагедии, заставляет ее звучать по-иному, преодолевает и просветляет ее; точно жертвенным и искупительным и молитвенным светом – придает религиозное освещение трагедии» (*там же*, с.280).

Как бы ревнители марксистского материализма ни пытались утаить от нас и себя религиозность Выготского, совершенно очевидно, что такие слова мог написать только человек, обладающий глубоким личным молитвенным опытом. Мы не знаем тайны религиозной жизни Моцарта психологии, но нескольких абзацев его этюда о Гамлете достаточно для того, чтобы понять, что хотя бы однажды подлинная молитвенная встреча с Богом в его жизни состоялась.

Какое все это имеет отношение к психотерапии? Психотерапия по своему предназначению есть душевная помощь человеку в страдании, поэтому главный ее познавательный интерес состоит в том, чтобы понять тайну человеческого преодоления страдания. Именно в этом пункте сходятся психотерапия и религия, психотерапия и молитва. Вопрос об отношении к страданию есть сердцевинный вопрос философии психотерапии.

Позвольте мне привести несколько выдержек из малоизвестной публикации Л.С.Выготского (1916) «Траурные строки (День 9 ава)». В небольшой двухстраничной заметке Л.С.Выготский дает глубочайший философский ответ на вопрос, «зачем нужен исторический траур». Ответ, далеко выходящий по своему значению за пределы иудейской религиозной традиции. – День 9 ава считается роковым в истории еврейского народа. Достаточно сказать, что именно в этот день дважды разрушался храм и «вспахан был как поле святой Град». Но «не только печаль воспоминаний, исторический траур видело и сохраняло еврейство в этом дне. Вечную скорбь свою, вечный плач о болезни и немощи своей вложил в него народ», «не временное и преходящее, а надвременное и вечное видело еврейство и берегло и хранило в этой немощи, болезни, ране; не исторический траур, а надысторическое, изначальное, предопределенное... Вот почему так запечатлело еврейство этот день, вырвав его из круга времен и раз и навеки отметивши его черным знаком, черной чертой траура. Вот почему обратило в исторический символ, в собиратель скорби. Обращаясь в кругу времен, этот день всасывает, впитывает, вбирает в себя скорбь отдельных мелькающих дней и *возносит* ее к неувядаемому и вечному... Надо *претворить* свою боль – живую боль этих дней – в неувядаемую скорбь этого великого дня, слить ее с его скорбью и вознести к вечной, неумирающей печали. «Печалью в вышине отмечена звезда моя».

Вот высокая философия страдания: не гедонистическое бегство от страдания, не мазохистическое наслаждение им, не плоское обывательское утешение (нет худа без добра и т.п.), но духовная сублимация скорби, ее вознесение к «неувядаемому и вечному» и ее претворение в «вечную и неумирающую печаль». «Печалью в вышине отмечена звезда моя». Да, печалью, а не радостью; да, печалью, но – «в вышине», но –

«звезда». Итак, смысл страдания – не в бегстве от него, но и не внутри его болезненной ткани, он обретается при *вознесении* страдания, вознесении на крыле молитвы к Богу и в *претворении* его в Боге.

В этой формуле сублимации страдания – ключ к синергийной психотерапии, которая мыслит человека существом, живущим не только в горизонтали «социальных далей» или подвалах бессознательного, но во всей полноте Божьего мира.

Бросим взор на историю упований современной психотерапии. На что, собственно, надеется психотерапевт, на какой процесс душевной жизни, который при помощи искусства психотерапевта даст пациенту возможность преодолеть страдание? Классический психоанализ уповал на механизм **осознания**: «На место Оно должно стать Я». Наше дело – помочь пациенту осветить светом сознания вытесненные влечения и комплексы, и коль скоро эта цель будет достигнута, сам факт осознания произведет благотворные изменения в душе человека, которые вернут ему главное в жизни – возможность наслаждаться любовью и работой. Примерно с пятидесятих годов упования психотерапевтов начинают смещаться в сторону процесса **переживания**. Для того, чтобы преодолеть страдание, надо заново пережить те или другие моменты жизни, те или другие чувства и отношения, пережить более глубоко, плодотворно, более полноценным образом, в более здоровом контексте. «Научись страдать, и ты сможешь не страдать». Как бы то ни было, главное, чему психотерапевт в конечном счете обязан успехом своего дела – это переживание пациента.

Не отменяя и не умаляя значения осознания и переживания, синергийная психотерапия в качестве основного своего упования видит **молитву**. Есть интимная связь между переживанием и молитвой. Переживание начинается в *ситуации невозможности*, когда мир не дает мне удовлетворить мои потребности, стремления, осуществить мои ценности, исполнить мой долг. Пока психологически ситуация невозможности не наступила, я верю, что мир ли – переменной обстоятельств или действиями других людей, мои ли собственные действия приведут все-таки к достижению моих целей и удовлетворению. Когда же ситуация невозможности наступила, это значит, что я больше не верю в мир, в свои действия, в действия других или благоприятное стечение обстоятельств. Тогда-то и начинается переживание. Но тогда же создаются и лучшие условия для молитвы: мне не во что верить здесь, не на кого надеяться, нечего ждать в мире, и мои глаза поднимаются к небу: «Господи, помоги!» Там, где нерелигиозный или не принявший еще своей религиозности человек после этого спонтанного возгласа возвращается умом и чувствами к миру, людям, себе и продолжает переживать, то перебирая заново возможные решения, то впадая в отчаяние, то зажигаясь надеждой, там верующий начинает молиться. Переживание его не

прекращается, но претворяется в молитву, питает ее искренностью боли и вдыхает из нее освобождающий дух благодати, постепенно преобразуя само переживание, душу, а затем и жизнь. Преобразуя тем, что в том самом месте, где одно лишь переживание видело глухой тупик, молитва распаивает окно, сквозь которое в переживание, душу и жизнь, но не только в них, а и в сами материальные обстоятельства жизни может войти сам Бог. И потому максима синергической психотерапии такова: **на место переживания должна встать молитва.**

Сердцевиной метода синергической психотерапии является **молчание** (о значении принципа молчания в психотерапии глубоко пишет сегодняшний наш докладчик А.Ф.Копьев). В психотерапии тогда только может случиться нечто подлинное, когда состоялась встреча с таинством личности человека. Таинство нельзя разгадать, по-фрейдовски выследить и разоблачить, уловить в сети логических определений, таинству можно лишь дать выразиться и состояться как таковому, без утраты живой таинственности. Та среда, в которой это возможно, есть атмосфера благоговейного молитвенного молчания. Сходство между молитвой и психотерапией в том, что на поверхности обе они – слова, слова, слова, но вершина обеих – молчание, вслушивание, благоговейная тишина, в которой проступает голос другого и Другого. Один наш коллега делился опытом: готовясь слушать пациента, он воображал себя долиной в горах – покой, тишина, неподвижная гладь озера, и стоит прозвучать малейшему звуку, как вся долина чутко откликнется на него эхом, трепетом листвы, рябью воды. Чистота и тишина – вот залог возможности услышать тайну и отозваться на нее, возможность распахнуть тупики переживания в молитву, в небо.

Вернемся к Л.С.Выготскому. В восьмидесятых годах, когда, наконец, из-под спуда стали извлекаться его труды и было издано собрание сочинений, в 6-ти томах не нашлось места для переиздания «Психологии искусства». Когда в 1987 году необъявленный дополнительный седьмой том был все-таки издан, в нем ранняя версия «Трагедии о Гамлете» была напечатана отдельным приложением, к тому же петитом, то есть так, как порой человек, не желающий быть услышанным, невнятно произносит слова, на минуту испытывая иллюзию, что не заметят. По идейным ли, или по цензурным соображениям – это пронизанное духом молитвы произведение хотелось скрыть, оно не вписывалось в парадный марксистский портрет Л.С.Выготского. Но получилось в итоге: стоят на полке тома Льва Семеновича Выготского – его слова, слова, слова – и в последнем томе последнее, что сказал нам Выготский – это Гамлет, это Офелия, это молитва. – Дальнейшее – молчание.

Литература

Выгодский Л. Траурные строки (День 9 ава) – Новый путь, 1916, № 27.

Выготский Л.С. Психология искусства. – М; 1987.

Копьев А.Ф. Психологическая консультация: опыт диалогической интерпретации. – Вопросы психологии, 1990, № 3.

Ярошевский М.Г. Л.С.Выготский как исследователь проблем психологии искусства. – В кн.: Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1987, с.292-323.